

Странные и прекрасные вещи происходят с каждым из нас ежедневно. Маленькие истории и значительные события влияют на нашу жизнь, наш характер, нашу судьбу. Ирландский философ, эстет, писатель, поэт Оскар Уайльд однажды сказал, что «...жизнь не делится на мелочи и важные вещи. В жизни все одинаково важно...». Рассказывая истории из своей жизни, мы делимся друг с другом своими воспоминаниями. Они бывают смешными и забавными, грустными и тяжелыми, но все равно остаются для нас важными. Газета «Вести» продолжает публикацию интересных историй из жизни простых людей нашей страны под общей рубрикой «Однажды...».

Однажды в аудитории

Я никогда не слышала от мамы разговоров про моего отца. Она не придумывала истории про космонавта или капитана корабля, ушедшего в какое-нибудь кругосветное плавание, просто не говорила ничего. Многие годы я даже не знала, жив он или нет. Ни одной фотографии, ни одного намека на его существование не было в нашем доме. Складывалось впечатление, будто в моем появлении участвовала одна только мама.

Став старше, я оставила попытки найти следы своего родителя, а позже совсем перестала думать о нем. В нашем доме никогда не было мужчин. На свое женское счастье мама махнула рукой. Мне всегда казалось странным, как такая молодая и красивая женщина совсем не хотела найти свою половину и стать кому-то основой жизни.

Характер у мамы был непростым, но в минуты приливов тепла и нежности она становилась очень родным и любимым человеком. Работала мама в ателье закройщицей, хотя в свое время получила диплом бухгалтера с отличием. Она всегда брала работу на дом, часто «халтурила» вне ателье.

Интерьер нашего небольшого дома был небогат, но текстиль в нем был просто роскошен.

Одежду мне мама тоже шила сама, поэтому в детском саду и в школе на дискотеках я выгодно отличалась от своих сверстниц. Ее творческий подход к любому отрезку ткани вкупе с мастерством и великолепным вкусом всегда заканчивался шедевром. Мама любила работать по принципу безотходного производства, поэтому после очередного платья или костюма в доме всегда появлялись лоскутные элементы декора.

Родителей мамы не стало очень рано, я их толком не успела узнать. Мама редко вспоминала о них, впрочем, как и о своем далеко не безоблачном детстве. До поступления в институт мама жила в глухой деревне, с юных лет ей приходилось заниматься хозяйством, работать в огороде. Возвращаться на свою «малую» родину она не любила. У родителей при жизни бывала крайне редко. Те, в свою очередь, были очень сдержанными и скупыми на чувства. При редких телефонных разговорах вопросов всегда было два: как наше здоровье и есть ли еда в доме. Остальные переживания наших душ бабушку и дедушку не трогали никогда.

Когда родителей мамы не стало, их уход случился с разницей в полгода, она глубоко вздохнула и произнесла слова: «Любовь без радости была, разлука вышла без печали...» Несмотря на то что тогда я была шестилетней девочкой, эти слова врезались в мою память.

У нашей маленькой семьи было все как у всех: долги, поездки к морю, ссоры, недопонимание, раскаяние, семейные праздники, общие мечты. Мы всегда были вместе, старались баловать друг друга, но, став подростком, я стала мечтать о большой любви, мне захотелось создать свою семью. Когда я однажды обмолвилась об этом, мама вдруг обиделась и сказала, что не собирается терпеть в доме чужого мужчину, на что мне пришлось ответить, значит, мне придется уйти жить к нему... В тот вечер мы больше не проронили ни единого слова. Я поняла, что этой темы до поры до времени лучше не касаться в наших разговорах.

В классе мне нравились два мальчика, но их поступки и внешний вид выдавали в них еще совсем желторотых птенцов. Во время выпускного вечера я лишь позволила себя поцеловать в щечку самому настойчивому однокласснику. Никаких дальнейших обещаний с моей стороны не прозвучало. Я собиралась погрузиться в новый мир высшего образования без багажа ненужных отношений.

Тогда появилась мода на профессии, связанные с финансами. Я не стала долго

размышлять и, решив плыть по течению, поступила на факультет экономики и менеджмента. Со временем я с головой погрузилась в учебу, и финансово-экономическая тарабарщина стала более-менее доступна для моего понимания.

На втором семестре у нас появился новый предмет «Финансовое право», преподавать который назначили, наверное, самого импозантного мужчину на свете. Ему было чуть больше сорока лет и звали его Александр Иванович. Преподаватель «Финансового права» был всегда чисто выбрит, хорошо одет, обладал приятным голосом, а легкая седина на висках добавляла ему шарма.

Преподавателем он был от Бога, вот только читаемые им лекции совсем не укладывались в моей голове. Куча странных слов и понятий вовсе пролетали мимо, не приземляясь в сознание. В середине курса я поняла, что не смогу сдать экзамен и обязательно его завалю, что, в свою очередь, приведет к потере стипендии, т. е. катастрофе.

Мне пришла в голову идея попроситься на дополнительные занятия, но Александр Иванович был непреклонен, он утверждал, что совершенно не обладает свободным временем и не планирует задерживаться по вечерам, поскольку читает лекции в других вузах.

Я решила превратиться в его тень и взять измором. После занятий старалась попасть к заочникам, позже бежала на подготовительные курсы. Недельный марафон за знаниями закончился требованием Александра Ивановича прекратить слежку и наконец-то начать учить предмет. Но как только я открывала книгу, текст расплывался, как огромные тучи после дождя, и тонул в крупных каплях моих слез.

Однажды я осталась на лекциях у вечерников и снова попросила назначить мне индивидуальное время для дополнительных занятий. Преподаватель, как и прежде, холодно отрезал – нет. В ответ я сказала, что не сдвинусь с места и буду жить в аудитории до тех пор, пока он не согласится. Александр Иванович рассмеялся, выключил свет и ушел домой.

Настырность мне досталась от матери, в тот вечер я домой не вернулась. Подружку Олю попросила предупредить маму, что осталась якобы у нее ночевать...

Через несколько часов звуки в гулких аудиториях и коридорах вуза совсем стихли, погас свет, огромное здание погрузилось в сон...

Учитывая, что студент – существо неприхотливое и закаленное, я могла спать где угодно и как угодно. Длинная деревянная университетская лавка не стала для меня препятствием. Подложив под голову кофту, укрывшись весенним пальто, которое еще в обед забрала из гардероба, я мирно уснула безмятежным сном...

Поскольку штор в огромной аудитории не было, первые лучи солнца рано разбудили меня. Быстро умывшись, я снова вернулась на импровизированный пост. Пальцами причесала кудрявые непослушные волосы и стала ждать. Но сон снова сморил меня, я положила на парту руки и склонила на них свою утомленную ожиданием голову. Очнулась, когда услышала какой-то шорох. Открыв глаза, я увидела Александра Ивановича, неспешно раскладывающего конспекты и папки.

«Доброе утро», – мне удалось выдавить сиплым, неузнаваемым голосом. «Доброе, если это так», – ответил учитель. Я думала, он начнет на меня кричать и ругаться, но, к моему удивлению, в его глазах я увидела не свойственную ему теплоту. Он подошел ко мне и сказал, что лишь однажды, давным-давно, видел такую же упрямую девушку, которая была немного похожа на меня. Чтобы вознаградить мои старания, он согласился помочь подготовиться к экзамену.

Наши встречи в скором времени стали нужны самому Александру Ивановичу. Мы не сразу почувствовали, как стали тянуться друг к другу, будто были знакомы давно. После выходных, не скрывая радости, старались поскорей уединиться, чтобы рассказать друг другу о случившемся в дни разлуки. После успешной сдачи экзамена мы стали близки...

Маму своим романом я тревожить не стала: совсем не ясен его итог. Между нами лежала разница в двадцать лет. Общих друзей у нас не могло быть, но интересы всегда делились пополам. Я смотрела на моего Сандро, так ласково называла своего любимого мужчину в моменты, когда нам никто не мешал, и понимала, что не хочу и не могу больше

жить без него... Пришла пора открыться маме.

Она была возмущена моей наивностью, по ее мнению, у моего преподавателя в каждой группе должно быть еще по одной такой дуре. Я просила ее успокоиться и познакомиться с мужчиной моей мечты. Но мама была непреклонна, она требовала прекратить эти бесперспективные отношения, пообещав навестить в университет и разоблачить соблазнителя. На все уговоры отказаться от этой затеи мама не реагировала.

На следующее утро, не успев привести себя в порядок, я услышала, как в коридоре гроыхнула входная дверь. Выглянув в окно, я успела заметить, как моя мама быстро села в такси и умчалась, видимо, в направлении вуза. Наспех допив чай, я отправилась следом. Прибыв в храм знаний, я не нашла ни маму, ни Александра Ивановича.

В августе шла вступительная кампания, поэтому всюду сновали толпы незнакомых людей. Покружив еще немного в аудиториях в надежде найти своего возлюбленного раньше мамы, я отправилась в деканат. Но, подойдя к двери, услышала крики и поняла, что опоздала.

Когда я распахнула дверь, то увидела очень странную картину. Александр Иванович, обхватив руками свою голову и отчаянно мотая ею, что-то бубнил под нос.

Мама, увидев меня, замолчала. Растрепанная и злая, она выскочила из помещения.

Я подошла к своему возлюбленному и попросила не обращать внимания на маму, потому как она всего лишь эгоистка, не желающая разделять меня с кем бы то ни было. Саша поднял глаза и ледяным тоном ответил, что мы не можем больше быть вместе. У меня оборвалось сердце. Из моей груди невольно вырвался крик: «Почему?!».

Тогда Александр Иванович рассказал, что, когда мама заскочила в кабинет, они не сразу вспомнили друг друга. Через несколько минут брани и нападок со стороны разъяренной защитницы своего дитяти Саша с трудом узнал женщину, которую он

когда-то любил всем сердцем. Она была студенткой его первой группы.

После окончания вуза его оставили на кафедре и предложили взять кураторство над вчерашними абитуриентами. Молчаливая девушка не сразу привлекла внимание молодого преподавателя. Александр Иванович был удивлен, когда эта скромная особа набралась храбрости и попросила его помочь экстерном сдать экзамены. Девушке нужно было раньше окончить семестр, поскольку в родной деревне начиналась посевная. Но подобной практики в вузе не было, поэтому куратор был вынужден отказать. Тогда она стала преследовать Александра Ивановича.

После того как студентка забаррикадировала аудиторию на ночь, он сдался и помог ей закончить семестр досрочно. После летних каникул молодые влюбленные дали волю своим чувствам и поклялись быть вместе до конца дней. Но судьба решила иначе. Весной следующего года у матери Александра Ивановича случился инсульт, и он был вынужден временно уехать из города, чтобы ухаживать за больной. Собираясь в спешке, своей возлюбленной смог написать лишь несколько слов, что скоро вернется. Но болезнь затянулась на целый год. Письма, которые он писал любимой, возвращались обратно.

Маму спасти не удалось, после похорон Александр Иванович вернулся в вуз, нашел свою возлюбленную, но объяснить так и не удалось. Она лишь произнесла: «Любовь без радости была, разлука вышла без печали», развернулась и ушла, как оказалось, навсегда.

Только когда они встретились вновь, он понял, что приходится мне отцом, так как на его прямой вопрос моя мать дала недвусмысленный ответ.

Я не смогла поверить этим словам. Единственный близкий мужчина, которого я полюбила всем сердцем, отдав себя без остатка, оказался родным отцом... Это не укладывалось в моей голове. Мне наконец-то стало понятно, почему казалось, что мы родные души, но Сандро занял в моем сердце совсем не то место, которое отведено отцу. Сделав несколько шагов, я упала без чувств...

От госпитализации я отказалась, вернулась, опустошенная, домой, закрылась в своей

комнате, чтобы тщательно продумать план ухода из жизни. Без моего Сандро она все равно мне была не нужна.

Слезы текли ручьем из моих глаз, мне было больно дышать. Схватив заготовку лоскутного покрывала, я без труда распорола ее на тонкие ленты, чтобы сделать крепкую петлю, предназначенную для окончания моих мук. Боль, так внезапно накрывшая меня, была нестерпима. Горе, словно ураган, разметало в клочья мою душу.

Закончив все приготовления, я взобралась на стул, чтобы закрепить конец изготовленной веревки на крюке для люстры. Из-за сильного волнения не заметила, что ножка стула попала на разбросанные вещи, стул пошатнулся, я потеряла равновесие и с грохотом свалилась на пол. Резкая боль от падения привела меня в чувство, я решила повременить со смертью и выяснить все то, о чем мама так долго молчала.

Мама, заподозрив неладное, безуспешно ломилась в дверь моей комнаты. Замок не поддавался. С лоскутной веревкой на шее я повернула ключ и, распахнув дверь, ледяным тоном потребовала объяснений. Сначала мать лишила меня отца, потом любимого человека, поэтому просто обязана расставить все точки над i.

Увидев меня в отчаянном состоянии, она не на шутку перепугалась, расплакалась, обняла меня, стала просить прощения и пообещала без утайки рассказать все о моем отце...

([Продолжение следует...](#))

Ариша ЗИМА